

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА, ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА, КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА, КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

И ДАРЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА

•

НАСЛЕДНИЦА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

•

ОЛЬГА, КНЯГИНЯ ВОИНСКОЙ УДАЧИ

•

ГУННХИЛЬД, СЕВЕРНАЯ НЕВЕСТА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. ЗИМНИЙ ПРЕСТОЛ

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. ОГНЕННЫЕ ПТИЦЫ

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. СОКОЛ НАД ЛЕСАМИ

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. КЛЮЧИ СУДЬБЫ

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. ДВЕ ЗАРИ

A black and white illustration of a woman in a long, flowing medieval-style dress with a headscarf and ornate jewelry. She stands on a boat, holding a large, dark, dragon-headed wooden structure that resembles a ship's prow. The dragon's head is raised, and its mouth is open. The background shows a cloudy sky with birds flying, a distant castle on a hill, and a body of water.

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ
ОЛЬГА
ДВЕ ЗАРИ

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Две зари / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-109766-0

Малуша — внучка самого Олега Вещего, наследница пяти владетельных родов. Лишь волею злой судьбы ей приходится быть рабыней, ключницей княгини Эльги. Но девушка не готова мириться со своим положением: ей надлежит достойно продолжить свой род! Малуша страстно мечтает стать законной женой Святослава, киевского владыки. Однако мать Святослава против кровосмесительной связи. Да и сама Малуша не учитывает важного обстоятельства: у Святослава уже есть две жены, и одна из них, дорогая сердцу князя Прияна, возвращается в Киев...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109766-0

© Дворецкая Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Часть первая

Малуша стояла у печи, не сводя глаз с госпожи за столом и ожидая возможных приказаний.

— Кое в чем этот змей ползучий прав, — говорил князь, покачивая в руке округлую чашу зеленого стекла. — Мы должны его женить.

Чаша была греческая — из добычи похода по Вифинии. В числе прочего ее привезли в Киев в начале той зимы, когда мать Малуши, Предславу, выдали замуж. Поэтому на чашу Малуша смотрела, как на свидетельницу создания мира. Цветом та напоминала глаза княгини — и смарагды в ее старом ожерелье, которое та надевала каждый день. Служанки, что ездили с Эльгой в Царьград два года назад, рассказывали, что вода в Босфоре такого же цвета — прозрачного, тускло-зеленоватого, немного дымчатого. Особенно зимой.

Чаша была невелика, размером с кулак Святослава. Он опорожнял ее почти одним духом, и тогда Малуша неслышно подходила, снова наливала вина, разведенного медовой водой, и отступала. Ей княгиня доверила ключи от погребцов, где хранились разные заморские редкости для княжеского стола: вино, сушеный греческий овощ, пряности, копченые окорока, осетровая икра. Малуша сама мыла дорогие кувшины — глиняные расписные или

серебряные, с чеканкой, — и хорошо умела разводить вино сладкой водой.

— Я сам должен решить, с кем Етон будет в родстве, — продолжал князь, — и мне ведь нужен от него заложник! Тот, кто ему наследует. А сейчас у него никого нет — делай, что хочешь! Этот черт такой скользкий, что никем, кроме родного чада, дорожить не станет. Он ведь из могилы, жма, выполз ради того, чтобы бездетным не сдохнуть!

С безучастным лицом Малуша смотрела в угол мимо госпожи — так, чтобы заметить малейший знак, поданный ей, но по лицу ее можно было подумать, что мысленно она пересчитывает бочонки солений в погребке. Беяница, старшая ключница, научила ее так держаться — ты на месте, если понадобишься, а пока не нужна, тебя как бы и нет. Тонкие пальцы пятнадцатилетней служанки незлышно перебирали несколько железных ключей на поясе. Малуше не следовало вслушиваться в этот разговор. Но она слушала, как будто он еще мог иметь до нее какое-то касательство.

Речь шла о плеснецком князе Етоне — человеке, женой которого Малуша одно время надеялась стать. Это она могла бы родить ему чадо, которое с первых дней жизни отдадут в заложники киевским владыкам. Род ее позволял рассчитывать на княжеский брак. Но глупые эти надежды продержались всего несколько дней — а потом ее девичий поясок украсили три звонкие игрушки, знак подневольного положения. Она стала рабыней уже окончательно. А ведь она не сирота, не холопка безродная, увезенная за тридевять земель от своих краев и проданная на торгу. Ее дед — внук самого Олега Вещего, бывший киевский князь, ныне посадник в деревском городе Вручем. Ее отец — бывший деревский князь, а мать, рожденная киевской княжной, была его законной женой и княгиней. Но только все это в прошлом. Родичи Малуши — вольные и знатные люди, но она сама и брат ее Добрыня — рабы княгини Эльги. Воля Эльги оказалась сильнее, чем судь-

ба внуки пяти княжеских родов. Когда десять лет назад сгорел Искоростень, Малуше было всего пять лет. В тот хмурый зимний день она утратила все, даже свое родовое имя — Мальфрид, и стала просто Малушей. И когда Эльга произвела ее в ключницы, ей это полагалось посчитать высокой честью и милостью.

— У меня есть для Етона невеста, — сказала Эльга.

И Святослав, и Малуша воззрились на нее с равным любопытством, почти с изумлением — только сын почти в упор, а юная ключница — через пол-избы.

— Это кто же такой смелый? — недоверчиво усмехнулся Святослав.

В Киеве знали, что чудесный выход ожившего Етона из могилы — чистая правда. Сам Святослав мог это засвидетельствовать. Он нанес дряхлому Етону рану, от которой тот через несколько ударов сердца скончался у него на глазах. И он же сам три дня спустя наблюдал, как из свежей могилы старика выбирается парень неполных двадцати лет, рослый, отдаленно похожий на покойника — как могут быть схожи два человека с разницей в возрасте более шестидесяти лет. Что Святослав думал об этом — иное дело, но он мог подтвердить, что все так и было. К большому своему неудовольствию.

Однако слава ожившего мертвеца сослужила омоложенному Етону дурную службу. Теперь он, если повезет, мог прожить еще лет сорок-пятьдесят, только вот замуж за покойника никто идти не хотел. Невеста требовалась не абы какая — достаточно знатная, чтобы брак с ней не уронил достоинства князя, но из такого рода, чтобы союз с ней Етона не принес Киеву вреда. Отдавать за него хоть кого-то из своей родни, пусть даже дальней, Святослав отказался наотрез: после воскрешения Етон внушал ему даже большую неприязнь, чем до смерти, почти отвращение. Менее знатные русские роды тоже не спешили предлагать своих девиц. Все понимали, что мир между Киевом и Плеснеском не прочнее паутинки и вскоре такое родство может оказаться крайне неудобным. А Етон

не отставал — при каждом удобном случае напоминал Святославу и матери его Эльге про обещание найти ему жену взамен отнятой.

— Я деву одну нашла, — заговорила княгиня — неспешно, словно дразня любопытство слушателей. — В самый раз ему в версту¹ — и наша, и не совсем, и знатная, и не слишком...

— Да что ж это за чудо? — нетерпеливо спросил князь. — Баба с дедом из снега слепили?

— Помнишь Перемила из Веленежа? У него меньшая дочь подросла, в самый раз замуж отдавать.

— Перемила? — Святослав нахмурился.

Он хорошо знал, кто это — боярин, старейшина городца Веленежа, последнего с деревской стороны перед началом земли бужан. В нем путники делали стоянку перед выходом на Горину, и там после войны появился один из первых в земле Деревской киевских погостов. Перемиль сам собирал дань со своей волости и сдавал киевским сборщикам уже готовую.

— Нет, — сообразив, что ему не понравилось, Святослав качнул головой. — Этот не годится.

— Почему же? — полюбопытствовала Эльга, хотя знала ответ.

— Он тесть Свенельдича-младшего.

— И что с того?

— Выходит, Свенельдич и Етон свояками станут! А там не успеешь оглянуться, как Свенельдичи всю дань бужанскую к рукам приберут! А я этого не хочу! — Святослав глянул на мать с вызовом. — Мало того, что Лют жену Етонову забрал — ему еще и Етоновы скóты² нужны!

— Даже если Лют поможет собирать эту дань, он ведь будет делать это для тебя!

¹ В версту — ровня, пара. (Здесь и далее — примечания автора.)

² Скóты — деньги. От названия арабской серебряной монеты (она же ногата).

— Я не хочу, чтобы он был в родстве с Етоном! Это слишком близко... к нам. — Святослав бегло оглядел жилую избу матери, куда допускались только люди ближнего родственного круга и где он очень часто заставал то старшего из двоих братьев Свенельдичей, то младшего, то обоих вместе.

— Но как раз потому, что Лют забрал Етонову жену, он никогда не сможет с ним... подружиться, — возразила Эльга, избегая слова «измена», хотя знала, что именно оно на уме у ее сына. — Величана между ними теперь стоит стеной неодолимой. Етон Люту этого не простит, а Лют его ненавидит, как гада ядовитого. Уж он ему ни малейшей потачки не даст. И ты вот что пойми — с этим браком Етон станет зятем нашего данника! Понимаешь? И нам ведь нужно будет ставить погосты в его землях, как у древлян...

— Не скоро это будет! Я хочу, чтобы Етонову дань собирали мои люди, — прямо ответил Святослав. — Твои люди сидят по погостам у древлян, имеют свою долю со сборов и корма. Женились все на тамошних девках, чад наплодили и добром обросли, как камень мхом, на месте лежа. А мои гриди и отроки зимой и летом по свету бродят — то в лодьях, то в санях, то пешком, то на конях. Сколько разных тягот принимают — так должны же они за это кое-каких скотов раздобыть. Мы сами будем собирать дань с Волыни. Пока... пока я не решу, где нам взять добычи получше.

Эльга подавила вздох. Ей было нелегко столкнуться со взрослым сыном, но он хотя бы считал ниже своего достоинства кривить душой. Его люди были приучены брать военную добычу и собирать дань в первые годы после покорения новой земли, что было почти то же самое. И лишь через несколько лет, когда тот или иной род был уже основательно обобран и усмирен, когда были перебиты или пленены и проданы все склонные к мятежу, Святослав уступал новые владения матери — чтобы та строила погосты и размещала своих людей-посадников. Земля

бужан, подчиненная только полгода назад, обещала еще немало прибитков.

— Но едва ли мы найдем для Етона жену лучше, чем Перемилова дочь, — Эльга вновь заговорила о том, с чего начинала. — Она знатного рода, но не родня нам, и отец ее не так силен, чтобы Етон мог, поссорившись с нами, от него большую помощь получить. Зато древляне порадуются, что мы одному из них такую честь воздали. Увидят: кто с нами дружит, тому честь и выгода..

— Я хочу, чтобы русы другой чести себе искали! И так сколько мужей по погостам разослать пришлось! К варягам посылаю за людьми, чтобы было кому копье держать! Мне идти в поход, а не с кем! Ты оставь пока и думать про погосты у бужан. Мне отроки для походов нужны.

— Но сколько же ты думаешь ходить! — вырвалось у Эльги. — И без того у нас северяне, кривичи, древляне, волыняне, бужане, дреговичи!

— Радимичи! — Святослав ткнул в нее пальцем, будто напоминая о забытом.

— Радимичи?

— Они тоже будут мои данники! У меня впереди еще сорок лет славы! И запомни: когда Перун меня призовет, ни у кого на свете не будет столько владений, сколько у меня! Ни у кого на свете!

Эти речи Эльга слышала еще тогда, когда Святославу было тринадцать и он едва вззошел на стол Олега и Ингвара. Она все ждала, что сын повзрослеет и одумается, но теперь уже понимала, что ждет напрасно. Святослав не собирался отступать от целей, поставленных в то время, когда он был самым молодым из князей Восточного пути¹. Отроком он стремился сравняться с исполинами, на чьих сагах вырос. И делал для этого, что мог.

¹ Восточный путь — общее название земель, лежащих на пути из Скандинавии к Черному морю и дальше. Вообще выражение «на востоке» для скандинавов тогда означало «на Руси».

Но неужели он всю жизнь собирается прожить в саге? Ему третий десяток идет, пора уже очнуться и ощутить твердую землю под ногами.

В дверь негромко постучали. Сидевшая возле порога с пряжей Совка оставила веретено, отворила, выглянула, с кем-то пошептала, потом пропустила в избу Чернегу — десятского Эльгиных отроков.

— Госпожа! — Чернега поклонился Эльге, потом Святославу. — И тебе, княже. От ворот Мистишины прислали. Болва с боярами вернулся. Дань привезли с земли Етоновой. Только того... Вуефастича, говорят, подстрелили.

— Насмерть? — ахнула Эльга, а Святослав вскочил.

— Пока живой, говорят. Глазом стрелу поймал.

— Йотуна мать!

Не попрощавшись, Святослав схватил свой кожух и выскочил наружу.

* * *

... В Драговиже русы объявились в Перезимник, сразу после Полукорма¹. За день до того большаки осматривали запасы жита в овинах, считали, много ли осталось. Лето выдалось жаркое, иные делянки высушило, а рожь частично побило градом, и урожай оказался не из лучших. Было съедено больше половины того, что ссыпали в закрома после Дожинок — значит, жито пора беречь, до нового не хватит. Большухи до зари сходили к реке, набрали воды в кринки, принесли, прикрыв новым полотном, в овины и бросили по три капли в каждую из житных ям — для освежения посевных семян.

На другое утро, как водится в день середины зимы, Городея, свекровь Обещаны, затеяла печь «сладкие» лепешки. На вкус-то они были не слаще других, но замешивались на воде, которая ночь простояла под звездами

¹ Полукорм — народное название 16 января, Перезимник — 17 января, считался серединой зимы.

и потому несла здоровье всем: лепешками этими угощали всю родню, подкармливали скотину, а девушки носили их в баню, чтобы повезло с женихом. Обещана тайком посмеивалась над молоденькими золовками: хоть небо упади на землю, а у девок на уме женихи! Нет, сама она в своем девичестве такой не была. Она ведь ждала особенного жениха..

Обещана родилась в ту осень, когда князь Етон в последний раз объезжал с гощением Бужанскую землю. Был он уже очень стар, ходил, волоча ноги, а на лошадь садился при помощи скамьи и двух крепких отроков. Но сдаваться не собирался и обещал Воюну, иначе Воинегу, давнему своему соратнику, вернуться к свадьбе новорожденной.

— Как пройдет двенадцать лет — снова приеду и зятя тебе привезу, — говорил князь старейшине укромичей. — На свадьбе с тобой погуляем. Не бойся, что помру, — с усмешкой он трепал Воюна по плечу. — Старый корень крепок, Марене так просто меня не взять. Мне бог дедов моих три века человеческих обещал, а третий только в самом начале. Жди. Слово мое княжеское — тверже камня, крепче меча булатного.

Девочка родилась прямо перед приходом Етоновой дружины в Укром, и показывать ее чужим было еще рано. Однако Етон, получив от Воюновой жены отрез белевого льна на сорочку — обычный дар князю от всякой роженицы или молодухи, — взамен оставил дорогой перстень и обещал малую не забыть. Потому с первых дней жизни новорожденную стали звать Обещанкой. Перстень был крупный, на мужскую руку, свитый из двух нитей серебра и перевитый третьей, совсем тоненькой — золотой. Работа варяжская, никто в волости таких не носил. В самом этом перстне был залог особенной доли, которой старый князь пожелал поделиться с новорожденной девочкой. Таким перстнем только с женихом обручаться, что придет прямо из сказания.. И Обещана ждала. Ведь слово княжеское — тверже камня, крепче меча булатного.

Будь Етон молодым, все бы думали, что он хочет взять ее за себя. Но князь годился девушке в прадеды, а ни сыновей, ни внуков у него не имелось. Никто не знал, чего ждать, и все свое отрочество Обещана, сидя за пряжей зимой или дергая сорняки с гряд летом, забавлялась, выдумывая разные басни о том женихе, что однажды придет за ней.

В то время Етон замышлял о будущем своего стола кое-что, недоступное прочим умам. Но судьба обманула его, развеяла дымом расчеты, и никто о них даже не узнал.

Прошло двенадцать лет, потом тринадцать, но Етон так и не приехал. Заменявший его воевода Семирад передавал поклоны и заверения: в сию осень князь здоровьем слаб, но на другой год непременно будет, пусть Воюн ждет. Тот и ждал. Прошел еще год, и еще, Обещане исполнилось пятнадцать, а старый князь все не в силах был вступить в стремя.

А на шестнадцатое лето все надежды Обещаны рухнули. Киевский князь Святослав убил старого Етона на поединке и завладел его землей. Ждать было больше нечего, и осенью Воюн сосватал дочь за Домаря, старшего сына Плетины из Драговижа. Жили они хорошо, не бранились, среди родни он пользовался уважением, несмотря на молодость, и Обещана с бодростью смотрела в будущее. Вот так и пойдет день за днем ее жизнь — в обычных заботах по хозяйству, только еще прибавятся хлопоты с детьми. И будут они с Домарем шаг за шагом подниматься по тропе своей судьбы, пока не очутятся на вершине — займут в Драговиже такое же почетное положение, какое сейчас занимает Плетина, свекор, и Домарь будет ездить на общее вече в Плеснеск, как сейчас ездит раз в год его отец..

Русы пришли по реке от Горины, со стороны княжеского Горинца. В Драговиже поднялся шум.

— Русы идут.. русы.. по реке.. побежали.. сюда идут, — порхали от двора к двору возгласы, будто искры на ветру.

По зимнему времени все были дома — молодежь, отцы и матери. Надевали кожухи, накидывали платки и шапки и торопились со дворов к реке — смотреть. Русы из Киева каждый год проезжали по Моравской дороге на запад и обратно, но заворачивать в Драговиж им раньше было незачем, и никого иного, кроме Етоновых отроков из Плеснеска, здесь не видали.

Пришельцев было много — десятка три, все верхом. Драговижичи дивились: мало кто видел разом столько лошадей. Даже в глазах рябило. Изумление от этого зрелища — всадники в кольчугах, в шлемах, с копьями в руках, топорами и мечами у пояса, с круглыми яркими щитами у седел — заслонило поначалу его тревожный смысл. Обоза при русах не было — ни саней с поклажей, ни даже заводных лошадей.

— А чего это налегке они? — полюбопытствовала Рыска, Домарева первая стрыйная сестра¹.

— Видно, в Горинце пристали и там все лишнее оставили, — ответил ей свекор, Назорок. — А к нам заглянули только... Видно, ряд класть.

Пока русы ехали по льду и затем, спешившись, с конями в поводу поднимались по тропе к избам предградья, сквозь толпу пробрались старейшины — сам Плетина и еще несколько уважаемых большаков. Прочие, в том числе женщины, теснились поодаль, разглядывали чужаков, прислушивались.

— Чего же Воюнко не упредил нас? — бормотал Плетина. — С той стороны идут — Укрома им не миновать было. Мог бы хоть паробка прислать...

Обещана забеспокоилась: чтобы попасть сюда, русы неизбежно должны были миновать Укром, ее родной городец. Почему же отец не предупредил сватов? Не случилось ли с ним чего худого?

— Будьте живы, люди добрые! — приветствовал русов Плетина, когда те оказались на гребне берега. — Вы чьи будете? К чему пожаловали?

¹ Первая стрыйная сестра — двоюродная по отцу.

— Это Драговиж, да? — Какой-то из русов, что шел среди первых, показал плетью на городец.

— Драговиж, — с недоумением ответил Плетина: чему еще здесь быть-то?

— Кто у вас старший?

— Я, Плетина, Радолобов сын, и еще со мной мужи — Имач, Мякуша и вот Жизнобуд.

— Сейчас наш боярин с вами говорить будет.

Сквозь ряды русов проехал один — на гребне берега он снова сел в седло и теперь взирал на драговижичей сверху вниз. Те жадно его разглядывали: и впрямь видно, что боярин, хоть и молодой. Шапка с шелковым верхом была оторочена бобром, из-под козуха на лисе виднелся подол кафтана, отделанный шелком с черными орлами среди красно-желтого хитрого узора. Красный плащ с цветной каймой заколот серебряной застежкой, слева видна рукоять меча в ножнах, блестящая черненым серебром. В головах не укладывалось, что в такой богатой одежде, прямо княжеской, кто-то не сидит на пиру, а разезжает сквозь снега.

«Уж не сам ли это князь?» — мельком подумал Плетина и взгляделся в лицо всадника.

Брат, Жизнобуд, со значением подтолкнул его локтем, тоже вглядываясь в лицо под бобровой шапкой. Боярину едва пошел третий десяток — как и Святославу. С собой он был недурен: продолговатое лицо заметно сужалось книзу, рыжеватая бородка не скрывала свежего румянца на щеках. Глаза из-под широких темных бровей смотрели отстраненно, но пристально, и от взгляда их старейшинам стало неуютно. Пришелец взирал на них, как на свою добычу.

— Вы старшие здесь? — с седла спросил он.

Скорее надменно, чем почтительно, как прилично было бы тому, кто возрастом уступает вдвое. Но даже эта надменность казалась отстраненной, показной. Во внешности и речи пришельца не было ничего заморского. Он, как видно, был из полянских русов — тех потомков Кия,